

УДК 343.25
ББК 67.408.022

Е.П. Ищенко,
доктор юридических наук, профессор

НУЖНА ЛИ В РОССИИ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ?

В статье автор делает попытку ответить на поставленный вопрос, анализируя аргументы противников и сторонников смертной казни. Отмечается, что сегодня мораторий на применение высшей меры наказания не соответствует представлениям большинства граждан России о справедливости, сложившимся в массовом общественном сознании, и пока люди будут совершать особо тяжкие преступления, смертная казнь – необходима.

Ключевые слова: смертная казнь, высшая мера наказания, аболиционист, пожизненное лишение свободы.

E.P. Ishenko,
Doctor of Law, Professor

DOES RUSSIA NEED CAPITAL PUNISHMENT?

In this paper the author tries to answer this question by analyzing the reasoning of those who support and those who oppose it. It is argued that the acting moratorium on capital punishment does not comply with the ideas of justice that most Russians have and that are part of public conscience and also that capital punishment is necessary as long as people commit very grave crimes.

Key words: death penalty, capital punishment, abolitionist, life sentence.

Характер взаимоотношений государства и личности, публичного и частного издавна занимает одно из центральных мест в различных правовых доктринах и учениях. Очень актуальна эта проблема и применительно к такой ограничивающей права и свободы граждан мере государственного принуждения, как уголовное наказание, в особенности к самой строгой его разновидности – смертной казни, имеющей исключительные последствия для человека, преступившего все мыслимые и немыслимые пределы жестокости. Еще в 1875 г. А.Ф. Кистяковский в «Элементарном учебнике общего уголовного права» писал, что ни один вопрос «не пользуется такой известностью и таким свойством привлекать к себе дух исследования, как смертная казнь» [2, с. 710].

Необходимость применения высшей меры наказания даже за особо тяжкие преступления давно стала одной из самых животрепещущих тем, обсуждаемых научной общественностью. Проблему смертной казни некоторые авторы считают неразрешимой. Ее острота еще более возросла после введения в феврале 1999 г. моратория на применение в нашей стране высшей меры наказания. Его действие порождает множество вопросов, вызывает неоднозначную оценку думающих представителей формирующегося в стра-

не гражданского общества. Потрясающие по своей жестокости преступления вызывают бурный социальный резонанс, граждане ждут от государства адекватного ответа на очередной вызов, брошенный уголовщиной правопорядку.

Отменяя применение высшей меры наказания, государство тем самым сохраняет жизнь наиболее опасным преступникам. Но при таком подходе оно как бы становится сообщником самых оголтелых злодеев, поскольку тем самым не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь. И число преступников-«смертников» с каждым годом возрастает. Сейчас их более полутора тысяч. В нынешней криминологической ситуации это только подстегивает и без того резкий рост преступности в стране, усиливает накал социальной напряженности.

Как справедливо подчеркивается в литературе, современная преступность характеризуется не только ростом числа совершаемых в стране уголовно наказуемых деяний, но и жестоким, зверским отношением к потерпевшим, особенно по делам об убийствах, изнасилованиях, грабежах [23].

Рассмотрим доводы, позволяющие более объективно взглянуть на такие, казалось бы, традиционно незыблемые аргументы про-

тивников смертной казни, как противоречие данного вида наказания идеям прогресса и цивилизованности, христианскому вероучению, а также их ссылки на низкую превентивную роль этой меры наказания.

Полемика вокруг необходимости сохранения в уголовном законе смертной казни прекратится не скоро. Создается впечатление, что дебаты непримиримых оппонентов – сторонников и противников смертной казни – если ненадолго и затихают, то лишь для того, чтобы на следующем историческом витке разгореться с новой силой.

Заметим, что в ходе долгой полемики аргументы сторонников (консерваторов) и противников смертной казни (аболиционистов) в общих чертах остаются прежними. Со временем они лишь модифицируются, становясь логически все более изоциренными. С чем же все-таки связана такая изначальная ограниченность полемических доводов, почему столь беден содержанием интеллектуальный маневр, предпринимаемый в границах обсуждаемого феномена?

Думается, дело в том, что с момента, когда правомерность смертной казни как уголовного наказания была впервые поставлена под сомнение, спор развивается не в том русле. Критика сути проблемы низведена сторонами до частных, отдельных ее нюансов, да и то лишь в том ракурсе, который выгоден аболиционистам. Объявив смертную казнь исключительно юридическим институтом и оспаривая целесообразность ее применения только в этом качестве, аболиционисты уклонились от серьезного обсуждения ее аспектов социально-политического, религиозного, морального, историко-культурного плана. Итогом же стало отстаивание тезиса, что смертная казнь – это всего лишь вид наказания, которое не может быть чем-то более значительным, нежели просто комплекс правовых ограничений, применяемых к преступникам. Далее, с помощью более мелких тезисов доказывается, что смертная казнь как вид наказания чересчур избыточна по своему репрессивному воздействию, негуманна, архаична, неэффективна, а посему и вообще не нужна.

Аболиционисты постарались низвести обсуждение феномена на заведомо не соответствующий его масштабу уровень, а затем и вовсе «развенчать» его, и преуспели в этом.

Итогом явилась масштабная дискредитация самой идеи применения смертной казни [8, с. 9; 21, с. 9], а в результате сложилась та парадоксальная ситуация, которая имеется сегодня. Вместо того чтобы прояснить вопрос, дискуссия запутывает его еще больше, двигаясь по замкнутому кругу.

Либерально ориентированные авторы – противники смертной казни – получили в последнее десятилетие XX в. контроль над рядом ключевых позиций в научной, публицистической, культурной и других сферах жизни нашего общества. Обладая поэтому монопольным правом подачи, интерпретации, тиражирования информации, касающейся высшей меры наказания, и, соответственно, неограниченной инициативой в производстве и распространении таких сведений, аболиционисты получили подавляющее преимущество над консерваторами.

Административными по своей сути методами они искореняют точки зрения, обосновывающие необходимость сохранения в уголовном законе высшей меры наказания, спешно и интенсивно заполняя образовавшийся при этом вакуум своими псевдогуманными идеями. Так, на страницах новейшей учебной литературы смертная казнь все чаще оценивается как «варварство», «рудимент темных веков», «узаконенное убийство» и т. п. Мнение же признанных ученых, ратующих за ее применение, игнорируется [12, с. 3–9].

Сопоставляя в одной из своих работ доводы «pro» и «contra» смертной казни, С.В. Бородин, например, приводит такие аргументы: «...Зависимость между ростом преступности и отменой смертной казни не установлена; отмена смертной казни позволит избежать лишения жизни невиновных; никто не вправе распоряжаться чужой жизнью; смертная казнь противоречит христианским и нравственным нормам; пожизненное заключение обрекает преступника на муки больше, чем казнь единойжды; расходы на пожизненное заключение осужденных перекрываются их каторжным трудом; живой преступник – живой укор, его не будет – о преступлении забудут» [4, с. 61].

Ничего принципиально нового в этом перечне нет, все аргументы, повторюсь, давно известны. Однако обратите внимание на манеру подачи материала, расстановку ак-

центов, «мягкое» навязывание единственно верной (на взгляд С.В. Бородина) точки зрения. Набор тезисов «contra» сформулирован им таким образом, что всякий аболиционист предстает перед читателем как просвещенный и здравомыслящий интеллект. Совершенно иной «имидж» уготован консерватору. Перед взором читателя непременно должен возникнуть патологически жестокий, малограмотный субъект, ибо именно так его и характеризуют приведенные доводы, предельно упрощенные и огрубленные. Судите сами.

Вместо тезиса об уникальности России как веками формировавшейся культурно-исторической общности народов, имеющей специфический уклад, и недопустимости поэтому слепого копирования Запада в вопросах уголовной политики, звучит развязное: «Совет Европы нам не указ»; о парадоксальности положения, когда родственники жертвы как налогоплательщики фактически содержат пожизненно приговоренного убийцу – циничное: «стрелять дешевле, чем содержать преступника»; о низкой воспитательной роли и бесперспективности уголовного наказания в виде лишения свободы для отдельных категорий преступников – «горбатого могила исправит» [4, с. 61].

Принимая во внимание сказанное выше, крайне важными представляются альтернативные доводы, обосновывающие необходимость применения смертной казни. Для этого нужно взглянуть на исследуемое явление гораздо шире, обратившись, в частности, к культурно-историческим истокам появления уголовного наказания. Напомним, что меры социального принуждения уже давно монополизированы государственной властью, органы которой карали преступников за содеянное ущемлением либо отнятием любого из возможных человеческих благ – имущества, чести, свободы, здоровья и, наконец, жизни. Иными словами, в сфере уголовного наказания возможности государственно-принудительного воздействия на преступников ничем не ограничивались. На этом постулате издавна зиждилась уголовная политика, и он долго никем не оспаривался.

Легитимность данного принципа впервые была поставлена под сомнение только в XVI–XVII вв., когда, по мнению некоторых мыслителей, наметился разрыв с прежней па-

радигмой миропонимания – как в сфере науки и искусства (Возрождение), так и в сфере религии (Реформация) [7, с. 22].

«Смертная казнь есть варварство, анахронизм; она противоречит идеям прогресса и цивилизованности», – утверждают аболиционисты. Но так ли это?

Сейчас слово «прогресс» воспринимается людьми как нечто настолько привычное, само собой разумеющееся, что даже возможность посмотреть на него под иным углом зрения кажется некоей странностью. Идея прогресса, весьма распространенная в современном мире, не имеет, подчеркнем это, аналогов ни в одной духовной традиции. Более того, она им всем резко противоречит, ибо представляет собой нечто совершенно противоположное самой их сути. Ведь буддизм, индуизм, ислам, иудаизм и христианство единодушно расценивают современность как предапокалиптические «последние времена». Поэтому объявить «пик регресса» современного мира его «эволюцией» со ссылкой на эти религии может только персонаж, символически именуемый сатаной [14, с. 6].

Впрочем, идею движения человечества по пути прогресса можно опровергнуть и вполне светскими доводами. Технократы сводят развитие цивилизации к совершенствованию технологий, информационных систем и научных методик. Но при таком подходе одно явление подменяется другим: усовершенствование технических средств выдается за позитивное развитие человека и общества в целом. Прогресс технический отождествляется с прогрессом во всех сферах жизни общества, в первую очередь – моральной.

Сегодня приходится констатировать, что при столь явном падении нравов в современном мире, их очевидной деградации, говорить всерьез о моральном прогрессе, об эволюции духовно-нравственных качеств современного человека по сравнению с прежними веками – значит выдавать черное за белое. А ведь именно на тезис о моральном прогрессе упирают «просвещенные» аболиционисты, толкуя о цивилизованности, сменявшей «вопиющее варварство».

Таким образом, бесспорный факт «технократического рывка» сам по себе отнюдь не служит достаточным основанием для отмены смертной казни, рассуждения же о духовно-нравственном прогрессе являются не

более чем демагогией. Следовательно, тезис о том, что смертная казнь противоречит идеалам цивилизованности, можно отнести как совершенно бездоказательный.

«Смертная казнь есть жестокость, зверство, легализованная пытка, мучительство; посредством исполнения смертного приговора государство ставит себя на одну доску с преступником; смертная казнь есть месть, а месть - примитивное, низменное чувство», - настаивают аболиционисты [12, с. 10-17].

Ретроспективный анализ существования смертной казни в российской истории, однако, показывает, что появление в уголовном законодательстве смертной казни стало подтверждением проверенного веками принципа, согласно которому суверенная власть не ограничена в средствах воздействия на злостных нарушителей общественных устоев. Власть должна защищать себя и своих законопослушных граждан, отвечая усилением репрессии на рост преступности. Так долгое время и было.

Нельзя признать убедительным и тезис, что смертная казнь - это акция, посредством которой государство «ставит себя на одну доску» с преступником. Ни о каком уравнивании акта государственного реагирования при исполнении смертного приговора с преступным посягательством на жизнь не может быть и речи. Между ними нет ни малейшего сходства.

Нельзя не подчеркнуть, что всякое социально опасное деяние, помимо причинения вреда объектам своего непосредственного воздействия, посягает в определенной мере также на интересы публичной власти, выражающиеся в нерушимости установленных ею правил регулирования общественной жизни. Поэтому преступник, подрывая своими противоправными действиями социальные устои, бросает вызов также верховной власти. Следовательно, вмешательство последней не может быть сведено до уровня третейского судьи, разрешающего спор виновного с потерпевшим. Оно должно содержать прямой ответ индивиду, грубо оскорбившему власть. Потому в наказании всегда должна присутствовать «доля государства», являющаяся важнейшим элементом «уголовно-правовой ликвидации преступности».

Иначе чем объяснить тот факт, что вся процедура судебного разбирательства во-

обще и назначения наказания в частности призвана внушить гражданам, что сколь бы тяжким и опасным для общества ни было совершенное злодеяние, преступник слишком слаб и ничтожен по сравнению с государством, защищающим безопасность своих законопослушных граждан.

Итак, ни о каком равенстве, низведении государством себя до уровня преступника в момент исполнения смертного приговора не может быть и речи. Скорее, все обстоит с точностью до наоборот - виновный, причиняя кому-либо смерть, пытается сравняться с публичной властью, присваивает себе ее монопольное право на применение насилия, за что впоследствии и несет самую суровую ответственность.

Элемент возмездия в наказании есть, ибо оно назначается за преступление и должно соответствовать его тяжести. «Наказание, - отмечал Н.А. Стручков, - кара за преступление. В силу этого оно несет в себе свойство оплаты, возмездия за совершенное зло. И вряд ли можно уходить от такой оценки наказания. Она соответствует элементарным представлениям морали» [27, с. 59-60].

Столкнувшись с чудовищным по своей жестокости преступлением, человек хочет воздать злодею за содеянное, ответить на насилие еще большим или хотя бы таким же насилием. Это главный аргумент сторонников применения смертной казни - она есть единственное равноценное воздаяние за особо тяжкие преступления.

Древнегреческий философ Платон целью наказания считал не нравственное исправление преступника, а его физическое уничтожение, необходимое для общественного благополучия и пресечения дурного примера, способного свратить кого-либо в будущем. И. Кант и Г. Гегель, будучи убежденными сторонниками смертной казни, утверждали, что для некоторых наиболее тяжких преступлений невозможно найти другого эквивалента.

С ними солидаризируются представители антропологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри и др.), требующие для прирожденных преступников единственно эффективной меры полного их устранения - казни. Такая мера реализует не только идею возмездия за содеянное, но и обеспечивает общественную безопасность, спокойствие и порядок.

Даже не будучи сторонником смертной казни, И.Я. Фойницкий в 1889 г. писал: «Смертная казнь есть... самая решительная мера, какую обладает государство для достижения безопасности: раз уничтожен преступник, он уже абсолютно лишен возможности вредить обществу» [2, с. 794].

В этой связи более чем наивными выглядят надежды на то, что объявление возмездия «древним и подлым пережитком», «языческой мстью» и отмена смертной казни позволят хоть немного изменить природу человека, ликвидировать саму потребность в удовлетворении чувств, попранных особо тяжким преступлением. Потребность эта все равно останется, она лишь будет искать иные, нелегитимные пути и способы своего удовлетворения.

Односторонний отказ от исполнения смертной казни, являющийся по своей сути декларативным, приводит к реанимации нелегальных форм расправы, имеющих внесудебный характер. Самодеятельная смертная казнь будет осуществляться, но уже не «сверху», а «снизу». При этом роль «теневой юстиции», отправляющей «правосудие», вполне могут взять на себя родственники жертв (вспомните Виталия Колоева! – Е. И.), сочувствующие сотрудники правоохранительных органов и, что наиболее опасно, представители организованной преступности [16, с. 155]. Поэтому права Б.Г. Караганова, считающая не случайным появление в настоящее время самосуда, который служит отрицанием возможности замены смертной казни на пожизненное заключение, свидетельствует о недоверии населения к правосудию [10].

«Только Всевышний может забрать жизнь, ибо именно Он ее человеку дает; этого не вправе делать государство, значит, смертная казнь глубоко безнравственна», – упрямо твердят аболиционисты. Из всего вороха приводимых ими соображений данный аргумент действует, пожалуй, наиболее безотказно. Он апеллирует к высоким материям, обосновывая неприемлемость смертной казни нравственными соображениями, указывает на несовместимость высшей меры наказания с этической стороной религиозных учений, прежде всего с христианством. Ссылаясь на многочисленные примеры милосердия, сострадания, прощения и любви к ближнему, приведенные в Новом Завете,

аболиционисты ставят сторонников смертной казни в весьма затруднительное положение. Последним остается либо расписаться в собственной приверженности к «языческим» формам уголовно-правового воздействия, либо уклониться от анализа данного контрдовода [12, с. 19–23].

Так неужели смертная казнь, с точки зрения христианской традиции, безнравственна и полностью ей противоречит? Неужто государство как организация публичной власти ни при каких условиях не вправе забрать жизнь, дарованную человеку Богом? Ничуть не бывало!

Между христианским вероучением и государственно-властной деятельностью по назначению и исполнению высшей меры наказания не существует того непреодолимого противоречия, на которое упирают аболиционисты. Во-первых, тезис «только Всевышний дает жизнь, следовательно, никто кроме него не вправе ее забрать» абсолютно некорректен. Натянутость этого довода столь очевидна, что первый же «наивный» вопрос подрывает его кажущуюся убедительность. Ну, а как быть с преступником, который эту жизнь у ближнего забирает? Признать его статус равным божественному, поскольку, причиняя смерть, он «отваживается» на то, что вправе сделать только Господь? Иными словами, уравнивать душегуба с тем, кто эту душу в тело вдыхает? По логике аболиционистов получается именно так.

Логика эта грешит богохульством, однако для противников смертной казни, чьи духовные отцы позволяли себе в адрес Русской православной церкви фразы типа «раздавить гадину», она, похоже, вполне приемлема. Возникает, впрочем, и второй вопрос. Каким образом в рамках приведенного аргумента можно юридически и морально обосновать причинение смерти в результате необходимой обороны? Если только Создатель вправе забрать жизнь, то и данное деяние глубоко безнравственно, с чем никак нельзя согласиться. И почему то, что позволяет себе преступник, идя на поводу у своих низменных страстей, непозволительно государству, защищающему общество от тех, кто грубо попирает условия его существования?

Таким образом, жизнь индивиду дает Всевышний, а вот лишить его этого дара в современном мире может кто угодно. Так по-

чему же не признавать такую возможность за легитимным актом государственной деятельности? Значит, все упреки в неправомерности исполнения смертных приговоров, адресованные аболиционистами публичной власти, поскольку она не имеет ничего общего с Господом Богом, лишены разумных оснований.

Думается, не случайно на Юбилейном Соборе 2000 г. Российская православная церковь отказалась осудить смертную казнь, сославшись на то, что она признавалась в Ветхом Завете, а указаний на необходимость ее отмены нет ни в священном писании Нового Завета, ни в предании и историческом наследии православной церкви. «Сам же вопрос об отмене или неприменении ее *должен решаться обществом* с учетом состояния преступности, правоохранительной и судебной систем, а наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества» [6, с. 20]. Правильная мысль! Хоть кто-то вспомнил о тех людях, на чьих плечах и стоит государство.

«Смертная казнь как вид уголовного наказания имеет крайне низкое превентивное значение, поэтому она не нужна», – настаивают аболиционисты.

В отечественной криминологии общепризнанным является положение, согласно которому уровень преступности определяется не силой репрессии, не строгостью наказания, а глубинными факторами социального, экономического, нравственного характера. На этот аргумент чаще всего и ссылаются аболиционисты, подчеркивая, что преступность – это болезнь общества, для излечения которой «шоковая терапия» в виде смертной казни оказывается бессильной [12, с. 28–36].

Существует, однако, определенная категория людей, которых наличие в уголовном законе смертной казни удерживает от совершения убийств. Кстати сказать, это обстоятельство признают и известные криминологи-аболиционисты [4, с. 60]. Поэтому отнюдь не случайно, что в 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились и исполнялись, прирост убийств составил всего 0,9 %, а в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, возрос почти в 5 раз и достиг 4,4 % [17, с. 163].

До начала 90-х гг. XX в. убийства в нашей стране совершались в основном на бытовой

почве (ревность, месть, личная неприязнь, хулиганские побуждения и т. п.) и не имели столь широкого распространения, как теперь. С начала перестройки число убийств в России, согласно официальным данным, возросло в 3 раза: с 10 тыс. в 1985 г. до 30 тыс. в 2005 г., когда Россия вышла на первое место в мире по уровню умышленных убийств: 21,5 преступлений на 100 тыс. населения. Даже если взять за основу лишь официально зарегистрированные убийства, то их в России регистрируется в 20 раз больше, чем в Японии (в расчете на 100 тыс. населения), в 17 раз – чем в ФРГ, в 14 раз – чем во Франции и в 3,5 раза больше, чем в США [1, с. 6–7]. Факты – упрямая вещь.

Страх подвергнуться смертной казни побуждает человека воздерживаться от совершения преступления именно потому, что это наказание лишит его самого дорогого блага. И.И. Карпец правильно подчеркивал, что исключить из содержания наказания фактор устрашения – «значит идеалистически смотреть на сущность вещей. Если преступника не будет устрашать наказание, зачем тогда оно нужно? Чем тогда объяснить, что мы не только пользуемся им, но и устанавливаем за различные деяния разные по тяжести наказания? Это и есть своеобразная дозировка устрашения» [11].

Кроме того, все доводы аболиционистов о низкой эффективности смертной казни в плане сдерживания преступности имеют один общий недостаток. Да, преступность не остановить только жесткими мерами, ибо ее причины кроются в глубинных социальных противоречиях. Все верно. Но причем здесь смертная казнь, точнее говоря, только смертная казнь? Разве удержит корыстно-насильственного преступника конфискация имущества, а коррумпированного чиновника – лишение свободы? Ответ очевиден: не удержит. Если ответить на этот вопрос положительно, то как же тогда объяснить значительный рост преступлений против собственности и тотальную коррумпированность государственных органов?

Следовательно, тезис о низком общепревентивном воздействии уголовного наказания подменяется другим – о низком общепредупредительном воздействии одного из наказаний [18, с. 151]. А ведь еще в конце XIX в. Н.Д. Сергеевский писал, что следует «неук-

лонно исходить их того положения, что смертная казнь... есть одна из карательных мер уголовного правосудия и подлежит поэтому одинаковой с ними оценке по одним общим правилам», подчеркивал то обстоятельство, что «только смертная казнь может прекратить преступную мысль» [24, с. 258, 261]. Если согласиться с предложенным аболиционистами подходом, то придется вообще отказаться от института уголовного наказания, ибо с помощью одних только наказаний преступность ни снизить, ни преодолеть невозможно! Однако подобная логика, по меньшей мере, абсурдна.

Наказание было и остается вспомогательным средством борьбы с преступностью, поэтому криминогенную обстановку в обществе нельзя напрямую связывать с наличием в уголовном законе тех или иных мер государственного принуждения [25, с. 359]. Смертная казнь выполняет свою роль в деле борьбы с преступностью настолько, насколько может. В том-то и дело, что высшая мера наказания лишь участвует в обуздании преступности наряду с другими наказаниями, а также экономическими, социальными, политическими и духовными факторами [16, с. 148].

Очень часто тезис о низкой превентивной роли смертной казни ее противники подкрепляют таким вспомогательным аргументом, как возможность осуждения человека вследствие ошибки. Это, мол, и предопределяет необходимость ее замены пожизненным лишением свободы, которое, по их мнению, исключает фатальные последствия, когда уже ничего нельзя исправить.

Да, цена ошибки при исполнении смертного приговора весьма высока, но только если будет казнен невиновный человек. Однако правомерен вопрос: разве ниже эта цена в других, не связанных с наказанием, сферах социальной жизни? Разве не ошибаются врачи, водители, проектировщики высотных зданий? Так что же, отказаться от врачебной деятельности, использования автотранспорта, высотного домостроения? В любом деле могут быть ошибки, в том числе непоправимые, и непонятно почему только в вопросе применения смертной казни возможность их появления должна категорически отсутствовать.

Кроме того, судебные ошибки, связанные с применением высшей меры наказания, –

крайне редкое явление. Исследовавший данный вопрос А.С. Михлин приводит всего два таких случая. Первый – когда вместо серийного убийцы Михасевича был осужден и расстрелян невиновный человек. Во втором случае, в одном из убийств, совершенных Чикатило, обвинили другого мужчину, который, правда, был повинен в шести убийствах, и лишь седьмое ему вменили неправильно [19, с. 142]. Немного расширил перечень таких приговоров Н.Н. Китаев [13, с. 3–74].

Однако упрек в судебных ошибках следует направлять в адрес уголовно-процессуального, а не уголовного законодательства, ибо положения УПК, а вовсе не УК детально регламентируют порядок досудебного и судебного разбирательства уголовных дел. При нынешнем УПК РФ упреков этих станет еще больше, ибо подавляющее большинство ошибок в уголовном процессе связано с необеспечением всесторонности, объективности и полноты расследования: не все версии выдвигаются и проверяются, обстоятельства предмета доказывания исследуются неполно, следствие нередко ведется с обвинительным уклоном [5, с. 41]. Отнесение законодателем следователя к стороне обвинения едва ли добавит ему объективности, а рассмотрение дел о наиболее тяжких преступлениях против личности с участием коллегии присяжных заслон неправосудным приговором отнюдь не поставит [9, с. 3–8].

Что же касается пожизненного лишения свободы, которое обычно предлагается в качестве альтернативы смертной казни, то и здесь ошибка может стоить очень дорого. Кто вернет человеку два десятилетия, проведенные в условиях строгой изоляции от общества? Видимо, ратуя за замену высшей меры наказания пожизненным заключением, авторы исходят из того обстоятельства, что в этом случае у человека сохраняется самое ценное благо – жизнь. Возможно. Но есть и другая сторона «медали». Гуманизм исключительно к преступнику означает демонстрацию преступного равнодушия к его жертве. Отстаивая право на жизнь злостного убийцы, некоторые ученые ссылаются на конституционное положение о том, что человеческая жизнь – самая большая ценность. А как же быть с ценностью жизни тех людей, которых зверски убил преступник?

Применение высшей меры наказания обусловлено острой необходимостью беспощадной борьбы с наиболее тяжкими преступлениями. Карая опасного преступника, она преследует цель общего и специального предупреждения преступлений. Ее противники выдвигают аргумент, что жестокое отношение к преступникам снижает уважение к человеческой личности. При этом они заявляют, что применять смертную казнь к особо опасным преступникам могут только государства с высоким уровнем общественной морали. Одним из таких государств они считают США, однако ничуть не смущаются тем, что в этой «высокоморальной» стране можно казнить беременную женщину, несовершеннолетнего. Тут США – в единственном числе. А в России расстрелять негодяя, лишившего жизни многих людей, негуманно [3, с. 57–58].

Заметим, кстати, что еще в 70–80-х гг. прошлого века «высокогуманные» США отказались от идеи реабилитации заключенных, поскольку «подавляющее большинство правонарушителей вновь и вновь проходят через «вращающиеся двери» системы судопроизводства» [28, с. 179], а в 90-х распространили смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений в отношении наиболее опасных преступников: террористов, членов оргпреступных группировок, патологически агрессивных и ситуативно агрессивных людей, сексуальных маньяков. В результате за 8 лет количество серьезных преступлений уменьшилось на 22 % [26, с. 244].

Отнюдь не по ошибке около ста государств сохраняют смертную казнь в своем уголовном законодательстве и активно применяют ее. В их числе США, Япония, Китай, Нигерия, Саудовская Аравия. Как совершенно обоснованно указывает Р.С. Нагорный, только смерть осужденного дает стопроцентную гарантию того, что он в будущем больше не совершит преступления [20].

А. Кулешов пишет: «Ведутся бесконечные споры с позиций «высшей гуманности», расплывчатой статистики. А ведь все достаточно просто и ясно – есть те, от кого общество должно избавляться... Злокачественные опухоли надо удалять, а не лелеять... Речь об извергах, на трезвую голову, хладнокровно и продуманно совершивших чудовищные преступления... Это не посягательство на

жизнь человека, потому что те, кто подобные преступления совершают, – не люди. Это существа, которым не должно быть места на Земле. Избавлять мир от них и есть подлинная гуманность. По отношению к людям» [15, с. 346]. Воистину преступно путать демократию со вседозволенностью, проявлять милосердие только к убийцам, напрочь забывая об убитых и их близких.

Считая несомненной необходимость очищения общества от опасных преступников, следует признать, что отъявленных душегубов нужно казнить. «У таких нелюдей от человеческого фактически осталась одна внешняя оболочка – их тело. Мозг же всецело поражен вирусом насилия... Жестокость уголовной репрессии по отношению к таким монстрам представляется вполне оправданной. Библейская заповедь «не убий» из религиозного догмата должна превратиться в табу; страх нарушить эту заповедь должен войти в «генетическую память» поколений... И здесь исключительность ответственности за совершение криминальных посягательств на жизнь человека совершенно необходима» [22, с. 29].

Итак, высшая мера наказания за наиболее тяжкие преступления против жизни, несомненно, имеет право на исполнение. Ее применение не противоречит ни идеям технического прогресса человечества, ни христианским догматам, ни нормам морали; она оказывает определенное сдерживающее влияние и играет в системе мер борьбы с преступностью важную роль.

Все это означает, что сегодня мораторий на применение высшей меры наказания не соответствует представлениям большинства граждан России о справедливости, сложившимся в массовом общественном сознании. Пока люди будут совершать особо тяжкие преступления, смертная казнь – необходима. Такой вывод напрашивается сам собой.

Смертная казнь – исключительная, но необходимая мера уголовного наказания в нынешних сложных условиях жизни российского общества, поэтому мораторий на ее применение пора отменить.

В России как можно скорее должна быть восстановлена справедливость, если мы, ее добропорядочные граждане, собираемся жить в безопасном государстве, а не в криминальном «беспределе».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев, А.И.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса / *А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло.* — М.: Норма, 2006.
2. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 4. Россия XI—XIX вв. — М.: Мысль, 1999.
3. *Бахин, В.П.* Мораторий смертной казни: маньякам — жизнь, а что потенциальным жертвам? / *В.П. Бахин, Н.С. Карпов* // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / под ред. *О.Я. Баева.* — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008. — Вып. 9.
4. *Бородин, С.В.* Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. — 2001. — № 4.
5. *Бурданова, В.С.* Поиски истины в уголовном процессе. — СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
6. Версия. — 2000. — № 33.
7. *Генон, Р.* Кризис современного мира / пер. с франц. — М., 1991.
8. *Гулиев, В.Е.* Отмена смертной казни — преступное непротивление злу насилием // Юрид. мир. — 2002. — № 1.
9. *Ищенко, Е.П.* Так нужен ли России суд присяжных? / *Е.П. Ищенко, П.П. Ищенко* // Уголовное судопроизводство. — 2007. — № 1.
10. *Караганова, Б.Г.* Лишение свободы и смертная казнь в санкциях статей УК РФ // Государство и право. — 2003. — № 11.
11. *Карпец, И.И.* Высшая мера: за и против // Сов. государство и право. — 1991. — № 7.
12. *Кизилов, А.Ю.* Смертная казнь: апология. — М.: ЮРИСТ, 2002.
13. *Китаев, Н.Н.* Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000.
14. Конец Света (эсхатология и традиция). — М., 1997.
15. *Кулешов, А.* Так казнить или миловать? // Смертная казнь: за и против. — М., 1989.
16. *Малько, А.В.* Смертная казнь в России: проблемы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2002. — № 1.
17. *Милуков, С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000.
18. *Михлин, А.С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. — М., 2000.
19. *Михлин, А.С.* Смертная казнь — быть ли ей в России // Журн. рос. права. — 1998. — № 10.
20. *Нагорный, Р.С.* Смертная казнь: превентивная роль. Ужесточение наказания против неотвратимости наказания // Рос. следователь. — 2006. — № 2.
21. *Петрухин, И.Л.* Еще раз о смертной казни // Юрид. мир. — № 4.
22. *Побегайло, Э.Ф.* Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1.
23. *Романов, В.В.* Защита прав жертв преступлений в уголовном процессе по делам о тяжких и особо тяжких насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлениях с учетом положений современной криминальной виктимологии / *В.В. Романов, О.О. Топорикова* // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. — Минск, 2005.
24. *Сергеевский, Н.Д.* Лишение жизни как уголовное наказание // Избранные труды. — М. : ООО «Издательский дом «Буквоед», 2008.
25. Смертная казнь: за и против / под ред. *С.Г. Келиной.* — М., 1989.
26. *Стойко, Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовой систем : монография. — СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПб. гос. ун-та, 2006.
27. *Стручков, Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов, 1978.
28. *Янина, Я.Ю.* Компромиссные модели разрешения конфликтов уголовного судопроизводства: анализ зарубежного опыта и возможности его применения в России // Уголовный процесс и криминалистика: современные проблемы и пути их решения : сб. ст. — Калининград : Изд-во КГУ им. И. Канта, 2006.